

Социология

УДК 316.334.3; 39.019.5

А.А. Барышев, В.В. Кашпур

ПРАВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: КОНФИГУРАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТИДЕОЛОГИИ И ИНТЕРНЕТА¹

В статье рассматриваются возможности популяционного, дискурсивного и сетевого подходов в социологии политики для построения более реалистичных моделей описания политического поля, включающего в себя комплекс новых отношений между экстремистами и легитимными политическими акторами в условиях наблюдаемого правого поворота в функционировании политических систем многих стран.

Метод «кейс-стади» использован для изучения отношений между правозэкстремистскими сообществами и легальными участниками политического поля в названных условиях. Для формирования кейсов отобраны реальные ситуации, связанные с разнородными драйверами правого поворота: а) праворадикальными популистскими партиями, б) блоком правопоцентристских партий, в) правящим консервативным государственно-партийным альянсом.

На материалах сформированных кейсов показан социально-конструкционистский, дискурсивный характер понятий (правого) экстремизма, проявляющийся в стремлении доминирующих политических сил зафиксировать выгодные им категоризации оппонентов и в практиках сопротивления навязываемым номинациям как освобождения от стигматизации. Описана роль взаимопереходов политических культур и субкультур в механизме функционирования либеральной демократии. Проведена типизация конфигураций трансляции правозэкстремистских мнений и настроений в официальные политические формы и в массовую культуру.

По данным социологических исследований активности российских правозэкстремистских онлайн-групп и их членов, установлено, что в условиях мягкого режима государственного противодействия экстремистской пропаганде эти мнения и настроения локализуются в онлайн-группах, а в случае осуществления жестких запретительных мер происходит их «расползание» по политически нейтральным сайтам и группам. В практическом плане это создает опасность для правящего альянса остаться на крайнем правом фланге политического спектра один на один с растущей радикализацией массового обывателя, а в теоретическом – актуализирует проблему разработки модели политического равновесия в эпоху постидеологии и Интернета.

Ключевые слова: демократия, дискурс, постидеология, реальная политика, экстремизм, правый поворот, онлайн сообщества.

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-2-131-144

Правильная ссылка на статью:

Барышев А.А., Кашпур В.В. Правый экстремизм и официальная политика: конфигурации взаимоотношений в условиях постидеологии и интернета // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, вып. 2. С. 131-144. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-131-144>.

Введение: модель демократии как системы, стремящейся к равновесию, и проблематизация роли «крайних» в ее функционировании

В классических теориях либеральной демократии образ политической системы формируется в соответствии с метафорой равновесия (эквиполюса), характерной для экономических теорий. Также аналогично неоклассической экономической модели намерения и действия всех политических акторов характеризуются прозрачностью, то есть все участники политического процесса могут обладать полным знанием о себе и друг о друге. Язык, посредством которого выражается это знание, является нейтральным, не может использоваться для стигматизации оппонентов. Соответственно, у акторов как необходимых участников процесса установления политического баланса отсутствуют какие-либо основания отвергать те номинации (левые, правые, центристские и т. д.), которые им присваиваются в пространстве этого объективного языка равновесной системы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31666 «Оценка влияния онлайн-активности сторонников радикальных идеологий на политические установки и настроения населения в офлайне».

В связи с этим для участников политических процессов крайне важным является то, чтобы выражение их намерений и смысла их действий максимально соответствовало их значениям в эквilibриуме. Формирование единого «объективного» языка политической науки, таким образом, происходит при условии четкого обозначения законными акторами своих позиций в системе политического баланса и описания исследователями политических феноменов так, как они должны выглядеть исходя из позиции привилегированного наблюдателя. Полученный таким образом язык дает ресурсы для универсального картирования политического пространства, включая и те его крайние, или маргинальные, области, в которых располагаются политические партии, именуемые *экстремистами*, то есть *крайними*.

Взаимопроникновение языков политических акторов и их исследователей обеспечивается механизмом, включающим два процесса их взаимной координации.

Первый процесс сближает язык легитимных акторов – их идеологию – и объективный, деидеологизированный язык ученых за счет того, что политическое действие представляет собой не синкретическое социальное (непосредственно коллективное) действие множества индивидов, а *специализированное* социальное действие, смысл которого вырабатывается в процессе особой деятельности, имеющей с точки зрения ее социальных характеристик сходный с наукой характер. Это деятельность по изучению интересов того или иного наиндивидуального субъекта (класса, страта, нации, этноса, религиозной общности и, в конце концов, «общества в целом») и по обеспечению взаимной увязанности целей и средств представляющего его политического актора. Результатом этой работы выступает нормативная (по отношению к политическому действию) система идей о природе человека и общества, а также об организации и целях общества, выступающая в качестве партийной идеологии [1. С. 19]. Итак, политическое действие характеризуется двойной социальностью и, соответственно, двойной обособленностью от самого действия интеллектуальной работой по поводу установления его смысла, производимой, с одной стороны, партийными идеологами, с другой – профессиональными учеными. Полученные описания политического действия, хотя и служат разным задачам, предполагают друг друга и в условиях равновесия должны совпадать.

Второй фактор, обеспечивающий возможность обращения партий к языку политической науки и, в свою очередь, доверие науки к партийным идеологиям в качестве надежного источника информации о политических акторах связан с тем, что при всех различиях представляемых тотальностей (категорий) партии, действуя в их интересах в рамках равновесной системы, вынуждены позиционировать себя в качестве кандидатов на представительство интересов общества в целом, что обеспечивает их взаимную скоординированность по отношению к небольшому количеству исследуемых наукой социально значимых вопросов (благополучие, экономический рост, общественная безопасность, экологическое благополучие, поддержка нуждающихся, здравоохранение, социальная инфраструктура, образование).

Этот набор вопросов интерпретируется в терминах благ и услуг, по поводу природы которых (индивидуальной или коллективной), а также характера доступа к которым (всеобщего платного/свободного или избирательно свободного, предполагающего установление специальных категоризаций) и происходит различение левых и правых идеологий. С учетом того, что услуги государства всеобщего благосостояния финансируются за счет налогов, в вопросах распределения особую актуальность приобретает различие левой и правой идеологических ориентаций. «Например, является ли медицинское обслуживание общественным благом? Деятели и партии слева и справа ответят на этот вопрос по-разному. Медицинские услуги следует предоставлять только платно – тем, кто для этого достаточно зарабатывает (правая позиция), бесплатно – пожилым людям (правый центризм), а также тем, чьи доходы недостаточны для пользования платным здравоохранением (левый центризм) и, наконец, – всем на основе свободного бесплатного доступа (левая позиция). Тот же вопрос можно задать об образовании, еде, жилье, одежде и т. д. Правая позиция предполагает, что необходимость участия государства в распределении этих товаров и услуг практически отсутствует, левая же позиция в различных градациях будет означать большую (более левая позиция) или меньшую (менее левая позиция) потребность в государственном участии» [2. С. 64]. Одним из важнейших постулатов этой теории является рассмотрение политики как процесса обмена (налогов на общественные блага) [3-5].

Поэтому характерная для экономической науки парадигма эквilibриума естественным образом переносится на исследования политических феноменов как фундаментальное основание научности и объективности их изучения.

Важно учитывать, что к участию в установлении равновесия и, тем самым, в определении местонахождения политического центра допускаются только релевантные для системы либеральной демократии акторы, то есть такие, которые разделяют консенсус в отношении абсолютно неприемлемых форм правления. Такими формами являются прямая демократия (крайне левое исключение) и полная автократия, или диктатура (исключение справа) [6. С. 242-245]. Принятие этих полюсов в качестве приемлемых целей или средств политической деятельности является основанием для отнесения тех или иных акторов к категории экстремистов. Взаимодействие же легитимных акторов приводит к балансу интересов тех социальных групп, которые они представляют, то есть к определению позиции государства как «срединного пункта» политической системы [6. С. 242-245], из которого только и возможно, во-первых, проводить политику в интересах всех граждан и, во-вторых, воспринимать партийные идеологии как объективные описания позиций партий в политической системе.

Таковы общие условия релевантности модели равновесной политической системы реальным политическим процессам в обществе. Дополнительными условиями осуществления эквигриума являются стабильность социальных категорий, претендующих на партийное и государственное представительство, а также относительно неизменный состав общественных благ и услуг, по поводу споров предоставления которых может производиться дифференциация позиций политических партий, представляющих различные категории населения.

Что же происходит, когда нерелевантные акторы не согласны со своим статусом, особенно в условиях быстрого изменения социальной структуры или структуры потребностей в общественных благах и услугах? Такого вопроса в модели эквигриума не существует, так как соблюдение названных условий и принятие акторами своих «объективных» статусов являются базовым допущением этой модели. Это делает актуальным изучение нестабильных состояний, в которых понятия нормальности и экстремальности, легитимности или маргинальности перестают быть нейтральными, становятся элементами речевых практик сопротивления, оправдания, стигматизации и т. д.

В данной статье мы намерены проблематизировать дискурсивную природу понятий экстремизма (левого, правого, онлайнного или офлайнного), фокусируясь на самой грани, отделяющей норму от экстремистского поведения. И проблема этой грани, напоминающая апории о стреле, о песчинке и куче и т. д., не может быть решена раз и навсегда. Каждый раз, например, пространство, необходимое для признания действия или высказывания экстремистским, оказывается разным по масштабу. Будет ли действие экстремистским, если оно совершено в компьютерной игре? Какова минимальная аудитория экстремистского высказывания? Является ли экстремист экстремистом, когда ничего не говорит и не делает публично? Таких вопросов множество. Труднейшим из них и в теоретическом, и в практическом смысле является вопрос о детекции «одиноких волков». Их невозможно решить путем формулирования определений, поскольку, определяя явления, давая им определения, некто, обладающий властью, «сверху» устанавливает границы явления. Поскольку проведение границы определяется объемом этой власти, необходимо попытаться вынести ее за скобки, то есть попытаться дать слово самим участникам процесса демаркации. Это даст возможность увидеть и потом смоделировать ситуации обоюдного трансцендирования, пересечения постоянно оспариваемых и одновременно поддерживаемых границ в конкретных условиях. В результате проблема формальных границ объектов перерастает в проблему «трансграничного обмена», перехода элементов одного из них в «тело» другого и наоборот.

В свете сказанного объектом исследования в данной статье выступают взаимосвязи между активностью носителей экстремистских настроений и комплиментарными акторами официальной политической системы. Круг названных носителей мы ограничили приверженцами крайне правых позиций (с точки зрения концепта либеральной демократии) в вопросах о допустимости насилия и о естественной государствообразующей общности людей.

Методом исследования является метод «кейс-стади». Целью исследования является выделение в существующей научной литературе кейсов, репрезентирующих различные типы взаимоотношений между экстремистами и официальными политическими акторами, определение структурных характеристик этих типизированных взаимоотношений и интерпретация значения описанных типов и структур для обеспечения баланса политической системы. Следующие вопросы являются ключевыми для данного исследования.

1. Каковы основные качественно различные ситуации взаимодействия (правого) экстремизма и официальных акторов политической системы?

2. Какую роль играют экстремисты в функционировании и установлении равновесия политической системы в условиях кризиса либеральной демократии?
3. Как правый (консервативный) поворот в России сказался на положении и конфигурации правоэкстремистских сообществ?
4. Каковы последствия запрета правоэкстремистских групп в социальных сетях в Интернете?

Кризис либеральной демократии: дополнение модели общего партийно-идеологического равновесия механизмом баланса культур и субкультур

Усложнение социальной структуры, постоянное расширение спектра общественных благ, характеризующихся неопределенностью их субъектов и способов удовлетворения, вызвали потрясения условно равновесных политических систем Запада в конце 60-х годов XX века. Новые активно заявляющие о себе в ходе протестных выступлений категоризации (экологи, феминисты, различного рода меньшинства, пацифисты и пр.) явно не вмещались в имевшиеся модели политического. Отсутствие единого критерия «нарезки» представляемых в политической системе категорий проблематизировало ее дальнейшее существование и представление в виде равновесной модели. Ее фрагментация в случае легитимации новых «произвольных» категоризаций ставила под сомнение саму идею представительной демократии (ведь многие люди оказались бы представлены по большему числу оснований, чем другие) с ее дистанцированием от крайних форм правления (с одной стороны, это «раздувало» бы сферу новых прав и вводило бы «слишком много» демократии, а с другой стороны, поддержание этих прав в актуальном состоянии потребовало бы «слишком много» диктатуры). Появление новых потребностей (иммунологическая защита, обеспечение безопасности в стремительно урбанизирующихся районах, борьба с бедностью и перенаселенностью как побочными продуктами капиталистического развития и т. д.), возникновение техногенных угроз, по поводу которых не сформированы специфические интересы каких-либо социальных групп, создали объективные трудности для функционирования политических систем в соответствии с представлениями о возможности равновесия интересов различных социальных групп и о производности государства от легитимной конкуренции представляющих эти интересы партий. Соответственно, и представление о возможности единого языка науки и идеологии оказалось под большим вопросом.

Внешними проявлениями отмеченных проблем стали активизация крайних настроений, рост численности и амбиций их носителей вплоть до притязаний на получение легитимных статусов в политической системе. Это означало кризис модели либеральной демократии, который привел к размышлению абсолютно неприемлемых крайностей, поскольку теперь они частично стали рассматриваться в качестве приемлемых, в результате чего они перестали быть крайностями в строгом смысле слова как пункты, за которыми ничего политического не может существовать [6. С. 245]. Результатом явилась легализация в политической системе «новых левых» и «новых правых», борющихся правовыми (конституционными) методами за ее коренное преобразование под более-менее консенсуальным названием радикалов. «Истинные» же крайние, характеризующиеся враждебностью по отношению к конституционному строю в политологической теории [7] и в правовых системах многих стран [8], включая Россию, терминологически стали обозначаться как экстремисты.

Приход в официальную политику представителей прежде маргинальных областей политического пространства выявил еще одну составляющую кризиса либеральной демократии, представляющую собой кризис идеологии. Официальная идеология прекращает выполнять функцию объективной репрезентации акторов политической системы. Превращаясь в партийную риторику, она становится инструментом убеждения электората, инструментом создания привлекательных партийных проектов, в наступившей эпохе постправды [9] уже не претендующих на истину, но преследующих цели достижения успеха.

В этой связи исследователи отмечают популистский характер «новых левых» и «новых правых» партий. Популизм не тождествен претензии на политическое представительство интересов всего населения, свойственной традиционным партиям. Популизм означает нечто иное, а именно: обещание быстрого решения острых социальных проблем в условиях постулируемого антагонистического разделения общества на народ и далекую от интересов людей элиту посредством прямого обращения к потребностям и поддержке «народа» (понимаемого в качестве достаточно гомогенной массы). Действуя по принципу «то, что желает народ, то он должен получить» [10], популисты видят реше-

ние проблем в устранении их наиболее очевидных для народа причин (мигранты, глобальный поря- док, евроинтеграция, ЛГБТ, либералы, пацифисты, антифашисты и т. д.).

Несмотря на отмеченные проявления кризиса либерально-демократической модели политиче- ской системы, многие авторитетные авторы продолжают в политологическом анализе следовать объ- ективистской логике, предполагающей отсутствие неопределенности в намерениях и действиях по- литических акторов и установление в результате их взаимодействия равноудаленной от крайностей позиции государства как центра политической системы. Источником знания об идентичностях сис- темных акторов является по-прежнему их идеология, с той оговоркой, что сейчас она скрыта в их по- ступках и многочисленных ситуативных высказываниях. Идентичности же несистемных акторов, на- ходящихся за рамками официальной партийной системы, также характеризуются их идеологиями, которые еще более трудно артикулировать, так как многие из этих акторов руководствуются сиюми- нутными обстоятельствами и настроениями.

В деле определения идеологических характеристик политических акторов в современных усло- виях обнаруживаются два основных подхода, которые мы связываем с именами признанных авторите- тов в данном поле – Михаэля Минкенберга и Каса Мудде. Первый решает возникшую проблему идео- логического основания деятельности партий и движений как проблему выявления ценностных ориен- таций их сторонников как некоего объективного «духа», направляющего их действия в определенную сторону. Второй полагается на артефакты в виде внутренних и внешних партийных документов и пред- лагает решать названную проблему путем извлечения из них ключевых признаков идеологий конкрет- ных партий. Этот подход может быть охарактеризован как следование тексту, или «букве», идеологии.

Подход Минкенберга определяет идеологию в широкой перспективе, связанной с трансформа- цией индустриального общества (с учетом специфики его западно- и восточноевропейской разновид- ностей) в постиндустриальное [11. С. 339], и в целом является последовательной реализацией объ- ективистской методологии, предполагающей занятие исследователем привилегированной позиции в системе «власти–знания», вызывающей чувство сопричастности к определению генерального на- правления развития общества, что в дальнейшем служит основанием для выявления противников и сторонников модернизации. Идеологии партий и настроения масс в данном подходе сближаются в качестве выражения отношений к переживаемым социальным изменениям и соотносятся как продукт профессионального творчества и его фольклорная основа. Однако существует и обратная связь: группы за рамками официальной политики с их мнениями и настроениями выступают не только поч- вой для идеологической работы партий, но и местом потребления ее результатов. Соответственно, экстремизм выступает как проявление той или иной партийной идеологии за пределами поля ее офи- циального функционирования.

Подход Каса Мудде основан на контент-анализе документов современных правых популист- ских партий. Извлечение из текстов ключевых признаков экстремизма и радикализма приводит к следующим результатам. Основными компонентами правоэкстремистской идеологии выступают идеи национализма, эксклюзионизма и сильного государства [1. С. 24], в то время как ключевыми признаками популистских праворадикальных партий оказываются «нативизм, авторитаризм и попу- лизм» [12. С. 120].

Если исключить из признаков радикализма определение популизма как общего выражения *рито- рики* крайне правых, ставших на путь парламентарной демократии, получаем нативизм и авторитарита- ризм в качестве идеологического кредо правого радикализма в чистом виде без риторических прикрас. Далее, если учесть, что нативизм (почвенничество) означает сочетание национализма с ксенофобией [13], то получается, что проведенный анализ не вносит ничего нового в априорное различение эктре- мизма крайне правых и их радикализма: последние вынуждены из политкорректности ограничиваться выражением опасений по отношению к людям иной этнической или культурной принадлежности, в то время как первые вольны в проявлении и обосновании позиции открытого их отторжения (эксклюзио- низма), то есть в прямом нарушении принципов современного конституционного порядка. Условность проведенного К. Мудде различения радикализма и экстремизма состоит в том, что «всего лишь» ксе- нофобия праворадикальных популистов не дает гарантий того, что в случае их прихода к власти она не перерастет в дискриминацию и насилие по отношению к нежелательным или неблагонадежным, по их представлениям, членам общества. Фактически Мудде считает, что правые радикалы «желают и стре- мятся создать свое собственное монокультурное государство, закрыв границы для иммигрантов и пре- доставив «чужакам» выбор между ассимиляцией или репатриацией» [13].

В целом оба подхода характеризуются приверженностью модели либеральной демократии, что определяет их фокусировку на роли партий. Вхождение же маргиналов в поле официальной политики возможно при условии легитимации их в качестве партий. При этом если для К. Мудде различие между экстремистами и партийными радикалами выглядит принципиальным (прежде всего для компаративных исследований партийных систем Восточной и Западной Европы), то для Минкенберга все они являются носителями экстремистской идеологии. Неорганизованные же, находящиеся за пределами партийного спектра экстремисты рассматриваются как субкультуры. Очевидно, что «культурой» по отношению к ним выступают идеология и организация соответствующих партий.

В результате получается, что особенностью современных политических систем в соответствии с позицией Минкенберга является присутствие в них «культурного», то есть поставленного в рамки закона, экстремизма, а взаимоотношения между культурой экстремизма (радикализма) и его субкультурами описываются как отношения частей в рамках определенной дискурсивной целостности: чем больше праворадикальные партии представлены в официальной политике, например, Австрии, Бельгии, Франции, Италии, Норвегии, тем в обществе меньше активность правоэкстремистских движений и групп, готовых к насилию, и наоборот, примером чего являются Германия, Великобритания, Нидерланды, Швеция, США [8. С. 27]. Ключевой метафорой в данном примере является опять-таки метафора равновесия, в которой обновление модели либеральной демократии достигается за счет смещения центра тяжести общей «массы» экстремизма в сторону его политкорректных партийных форм. Для дальнейшего обсуждения проблемы трансформации проявлений дискурсов правого экстремизма в процессе изменения отношений между различными его участниками обозначим данное наблюдение как кейс Минкенберга.

Итак, рассмотренные варианты согласования теоретической модели либеральной демократии с новыми фактами основываются на упорядочивании взаимодействия маргинальной и официальной областей политического поля, оставляя в неприкосновенности постулат о формировании позиции государства в этом поле исходя из взаимодействия «полисимейкеров», которыми являются политические партии, и это несмотря на то, что некоторые из них состоят, по выражению Мудде, из прежних париев, но ставших теперь «политически значимыми» [1. С. 6] (см. также [14]).

Парадокс «правого поворота» в России: без праворадикальных партий, но с правоэкстремистским Интернетом

В рассмотренных условиях кризиса либеральной демократии идентификация политических акторов на основе критерия идеологической ориентации или принадлежности становится затруднительной. Это относится как к легитимной, так и к маргинализованной области социального пространства. Его расщепление на онлайн- и офлайн-реальность в еще большей степени усугубляет проблему определения политической идентичности акторов. Это направляет многих исследователей на путь отказа от попыток адаптации конвенциональной модели к новым условиям и формирования контуров новой политической парадигмы. Герберт Китчельт [15], например, предлагает характеризовать политических игроков, основываясь в большей степени «на том политическом пространстве, которое они занимают», и в меньшей степени – на их идеологии [16. С. 187]. Последовательное продвижение в данном направлении требует формирования более реалистичной единицы анализа процессов партийной конкуренции и политической трансформации, чем отдельная партия или идеология. Одним из кандидатов на роль такой единицы является, исходя из организационного характера современных внутри- и межпартийных отношений, партийная популяция как сообщество организаций, обладающих общей организационной формой и совместно эксплуатирующих общие ресурсы, различаясь по степени их утилизации [17]. В рамках популяций, согласно подходу популяционных экологов, представляющиеся автономными политические организации-партии выступают ее особенными (частичными) нишевыми игроками, деятельность которых сама по себе вне их связей в рамках политической популяции лишена смысла.

В рамках такого подхода не достижение идеологических целей, а выживание, рост и влияние становятся непосредственными стимулами деятельности партийных организаций, а носителем организационных изменений выступает популяция в целом. Осваивая окружающее их политическое пространство, легитимные партии демонстрируют образец нормативного изоморфизма [18], связанного с профессионализацией партийной деятельности и делающего партии похожими друг на друга. И это сходство состоит, по выражению ведущего исследователя процессов бюрократизации и монополизации по-

литической жизни Ричарда Каца, в том, что они превращаются «профессиональные машины избирательного процесса» [19. С. 760], в брокеров в отношениях различных социальных групп друг с другом и с государством в отличие от собственных политических инструментов этих групп [19. С. 757]. Соответственно, отношения партий с теми, кого они представляют, становятся агентскими: случайными, инструментальными и мимолетными [19. С. 760], что превращает их в «партии без партийцев» [20].

Названные явления имеют критическое значение для функционирования политического поля в целом. Поведение партий, составляющих политический мейнстрим, теперь определяется принципом эффективности, который направляет их интересы в сторону ресурсов государства. Поскольку эти ресурсы безграничны, постольку необходимо заботиться о заключении правильных альянсов по поводу их использования и недопущения лишних претендентов. Так, на основе бюрократизации и профессионализации партийной деятельности возникает феномен, который Р. Кац и его коллеги определили как *картелизацию* политической системы [21; 22].

Очевидно, что силой, сплачивающей партийный картель как популяцию «системных» партий, монополизирующих политическую жизнь, выступают мобилизуемые государством разнообразные ресурсы общества. Поэтому не имеет смысла говорить об идеологическом единстве такой популяции. С другой стороны, поскольку партии выступают брокерами в отношениях между государством и социальными группами, объемы ресурсов, к которым они получают доступ в составе картеля, решительным образом зависят от степени универсальности меню политических обещаний, которые картель в целом адресует избирателям. Поэтому важно иметь в виду, что при возможных различиях в ассортименте конкретных участников картеля владельцем всего набора предложений обществу является сам картель. Это означает *деполитизацию* партий и превращение их различий по критерию их левой или правой ориентации в чисто символические, когда каждая из них играет роль идеологического супермаркета с элементами специализации на том или ином пакете предложений обществу в рамках картеля.

По мысли Р. Каца и П. Майра, такая деполитизация партий отражает размывание «партийности» (party-ness) общества и в то же самое время – политизацию государства самого по себе, наращивание его автономии от общества, упрочение собственной «партийности» правительства [19. С. 760]. Государство (правительство) теперь не является равнодействующей сил, отстаивающих в политической борьбе те или иные идеи общественного устройства, не фигурирует в качестве автоматически формирующегося центра взаимодействующих политических масс, а выступает источником финансовых ресурсов, «нанимающих» партии нового типа для обеспечения процесса их (ресурсов) увеличения. В сложившейся картине «реальной политики» (Realpolitik) борьба левых и правых замещается общей борьбой системных партий против всех остальных (как умеренных и легитимных участников политической системы против нелегитимных и разрушающих установившийся порядок) и экстремистов [23. С. 18-29].

Аналогичным образом выглядит и российское политическое пространство: хотя номинально участников популяции системных партий можно условно именовать левыми, правыми или центристскими, этим номинациям и различиям на практике придается небольшое значение, поскольку реально значимыми являются их позиции в общей борьбе с несистемной оппозицией и экстремизмом, с одной стороны, и в отношениях с государством в рамках картеля – с другой. Это еще раз говорит о том, что идеологии как монологические высказывания отдельных партий о своей миссии и путях ее реализации не в состоянии производить реальные различия позиций партий и других акторов в современной политической жизни. Дифференцирующим принципом становятся те значения, которые идеи, высказывания, номинации приобретают в дискурсивном процессе политического соперничества / сотрудничества. В этом процессе акторы не только генерируют новые дискурсивные ресурсы (в терминах подхода от идеологи – идеи), но прежде всего конкурируют за перераспределение прав на уже имеющиеся. В результате наиболее влиятельные акторы могут присвоить дискурс менее влиятельных, значительно изменив его модальность [24. С. 110-120].

Один из таких случаев, связанный с судьбой праворадикальной политической партии РНЕ – «Русское Национальное Единство», анализирует Михаил Соколов, показывая, как происходила утрата дискурсивных ресурсов этой партии, которая в 90-е годы оказалась неофициальным владельцем прав на идеи этничности и государственности, и трактовку их соотношения. РНЕ под лозунгом «Россия – для русских» обращалось к государству как средству дискриминационного антидемократического регулирования «этнических отношений» в интересах титульной нации [25. С. 191] (см. также: [26]). Это поль-

зовалось спросом на идеологическом рынке потому, что в отсутствие серьезных конкурентов на правом фланге (главными конкурентами в то время были либералы, приведенные к власти Б. Ельциным) часть россиян отождествляла «этнический национализм» с «патерналистским государством» [25].

Когда идея сильного государства отделилась от примесей расизма и этнического национализма, превратившись в руках новых акторов в идею имперского национализма [27], или «великодержавности» [28], национализм в чистом виде в стране с имперским прошлым и с «национальной идентичностью, сфокусированной на удержании исторического статуса России» [29], оказался мало для кого привлекательным. В результате, как показывает М. Соколов, российские националисты в начале 2000-х гг. были вытеснены с политической арены, уступив идею сильного государства как высшей ценности, новой партии – «Единой России» и ее политическим сателлитам. Данный «кейс Соколова» является наглядной иллюстрацией дискурсивной теории гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф [30] и практики формирования конкретного доминирующего дискурса в политическом поле России.

Кейс Соколова отличается от кейса Минкенберга тем, что не крайне правые входят в официальное политическое поле, меняя тональность своего дискурса (вместо угроз – предостережения об опасностях, исходящих от мигрантов и инноваторов в вопросах создания новых прав; вместо физического и вербального насилия – выражение недоверия), а само политическое поле в лице блока партий, претендующих на доминирование, сдвигается вправо (так называемый правый поворот), лишая прежних владельцев дискурса легитимности, а сам националистический дискурс – его этнической модальности.

Общим в кейсах Соколова и Минкенберга является то, что они характеризуют ситуации, находящиеся все еще в рамках партийных моделей демократии, в которых происходит уравнивание экстремизма либо путем его перехода из непартийной формы в партийную, либо посредством перемещения прав на соответствующий дискурс от праворадикальной партии, еще не порвавшей с традициями субкультуры, к формирующемуся правоцентристскому блоку. После этого сами субкультуры, утратив публичных лидеров в офлайне [31; 32] перемещаются в онлайн-сообщества в Интернете [33; 34].

Следующим шагом, соответственно, должно стать формирование кейса, характеризующего взаимодействие правых интернет-экстремистов с современной официальной политической системой РФ.

Кейс: «Куда перемещаются в Интернете правые экстремисты в условиях запрета их онлайн-сообществ?»

Начиная с 2014 г. в Российской Федерации был введен механизм досудебной блокировки экстремистских сайтов по требованию Генеральной прокуратуры РФ и/или Федеральной службы по надзору в сфере связей, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора). С 2015 года к исследованиям российских онлайн-групп, генерирующих контент, отвечающий признакам правового экстремизма, приступил Центр прикладного анализа больших данных Томского государственного университета с задачей анализа специфики существования онлайн-экстремизма в условиях государственного цензурирования Интернета в этой сфере.

На 15 июля 2016 года Центром (в то время – лабораторией) по лингвистическим маркерам было выявлено 3278 онлайн-групп в социальной сети в ВКонтакте, из которых 53 отличались регулярностью публикаций высказываний правоэкстремистской направленности и достаточной многочисленностью (более 500 человек). В результате проведенного поиска было установлено, что некоторые уже запрещенные организации, такие как «Движение против нелегальной иммиграции», Военно-патриотический клуб «Белый крест», ВОПД «Русское Национальное Единство», Межрегиональное общественное объединение «Северное братство» и другие, продолжали существовать в Интернете, используя убежища в виде дублирующих сайтов; что, избегая блокировки, многие группы заменяли в своих пабликах загруженные в системы автоматического поиска шибболеты контекстуально понятными посвященным словами (вместо, например, «чурки» – «многонационалы») и в целом понижали тональность экстремистских высказываний, сохраняя их узнаваемость и направленность.

Сетевая структура межгрупповых отношений характеризовалась «звездообразной» формой с группой «Русский Национализм» («РН») в центре. Эта группа заняла позицию хаба благодаря, во-первых, ее массовости (численность – 73514 участников в 2016 году), во-вторых, широкой информационной повестке (украинский Майдан, качество жизни в западных странах и России, портреты общественных деятелей и ученых, проповедовавших особую миссию русского народа, вред от коррумпированности чиновников и ангажированности государственных СМИ и т. п.), освещаемой в доста-

точно умеренном ключе «охраны качеств народа, приобретенных в течение преемства поколений» (<https://vk.com/rusnac1>), в-третьих, привлекательному ассортименту рекламируемых товаров в стиле языческой старины от популярной мастерской славянских оберегов «ЯРИЛО», сайт и страница которого в социальной сети ВКонтакте сообщались через взаимные ссылки. Свое кредо организаторы «РН» обозначали следующим образом: *«Независимый, антисоветский русский вестник, для национально ориентированных думающих белых людей. Особо стоит оговорить, что мы – языческий ресурс. Как и прочие сторонники настоящего, реального язычества, мы почитаем наших Предков, Землю-Отечество, нашу Nation и Высшие силы (sacrit, благоволяющий нашему народу).*

Здесь не бегают с портретами Джугашвили, красными тряпками, не хвалят россиянский режим в лучших традициях “сменовеховства” и не убиваются по православию. Наши ценности – это Русский народ, память Предков и историческая Русь–Россия. Наша цель – Русское национальное государство. Наши враги – это те, кто мешает осуществиться нашим целям – безнационалы всех мастей, украинствующая нерусь, манкурты, нелегитимный режим, этнобандиты, левачё, евразийцы и прочие личности без “масла” в голове, зато с “совком головного мозга”» (<https://vk.com/rusnac1>).

О настроениях и установках других ведущих групп достаточно красноречиво говорят их названия: «Остановим Геноцид Русов», «Славянский Националист», «Правая Политика», «Правая Дружина», Национальный союз России, Комитет «Нация и Свобода», Русский Сектор – Национальная Служба Новостей, «Славянское Возрождение – Россия».

Таково, повторим, состояние на 15 июля 2016 года, которое в целом можно охарактеризовать локацией правоэкстремистских высказываний в профильных группах, формировавших благодаря сетевым связям общее тематическое пространство в социальной сети ВКонтакте (подробнее см.: [35]) в условиях относительно «мягкого» режима государственного противодействия экстремистской пропаганде в Интернете.

По мере усиления государственного противодействия экстремистской пропаганде в Интернете возможности распространения правоэкстремистских идей и настроений в рамках профильных групп путем создания страничек-двойников и мимикрии под коммерческие сайты постепенно сокращались. Знаковым событием, положившим начало новой эпохе существования правоэкстремистского интернет-подполья, стала блокировка по решению суда онлайн-группы «Русский национализм» в августе 2016 года. Несмотря на попытки эвакуации контента сразу на несколько площадок-убежищ, это серьезно подорвало общую численность аудитории данного сообщества и его центральность в сетях межгруппового общения.

Для оценки последствий многочисленных блокировок было проведено специальное исследование способов сохранения правоэкстремистского контента в новых условиях и, самое главное, перемещения наиболее влиятельных участников «Русского национализма» по пространству социальной сети «ВКонтакте».

Было выявлено, что, помимо коммерческих сайтов, предлагающих атрибутику, связанную с гипертрофированной этничностью и воинскими псевдотрадициями, правоэкстремистский контент и сами его прежние носители присутствуют на развлекательных площадках Интернета, эксплуатирующих соответствующим образом исторические и культурные сюжеты. На примере десяти наиболее влиятельных фигур группы «Русский национализм» установлено, что на фоне незначительного интереса к пабликам сохранившихся групп имперско-шовинистической, национал-демократической, расистской и неязыческой ориентации они выступают (в порядке возрастания присутствия) участниками групп милитаристской, спортивной и бойцовской направленности и групп, связанных с культурно-историческими, духовно-эзотерическими и (с огромным отрывом) повседневными практиками (от кулинарии, домоводства до воспитания детей). Примерно такую же картину демонстрируют перетоки простых членов данного сообщества (в статистику перетоков и их ранжирование по тематикам исследователи включали только случаи обнаружения в новых группах не менее 50 участников «РН» (см.: [36]).

Типизация конфигураций перевода правоэкстремистских установок в официальные политические формы и массовую культуру

Рассмотренные кейсы не складываются в общий нарратив о модификации, трансформации или метаморфозе либеральной демократии. Эти понятия относятся к изменению формы при достаточно

неизменном содержании. Изложенный же материал свидетельствует об изменении именно содержания при сохранении конвенциональной формы.

Прежнее содержание настолько твердо базировалось на дистанцировании от крайних установок в понимании естественных форм социума, что делало их носителей просто стигматизированными изгоями политической системы. Поэтому мы говорим о травестировании либеральной демократии, в результате которого конструируется какое-то новое содержание, связанное с фактическим признанием того, что граница между прежними экстремистами и представителями официального политического бомонда достаточно открыта для движения в обоих направлениях. То, что XX век знал немало режимов правления, во главе которых стояли экстремисты различной политической окраски, не отменяло понятия либеральной демократии как идеального типа, не отрицавшего, а, наоборот, предполагавшего возможность существования чудовищных аномалий. В нынешней же ситуации само понятие крайностей оказывается настолько размытым, что фактически приходится различать между «крайними» и «более крайними» (или «более мягкими крайними» и «более жесткими»), прекрасно сознавая логическую противоречивость этих конструкций. [6. С. 252-253]. В этой связи определение «крайний» (*extreme*) все активнее начинает заменяться на определение «дальний» (*far*) (см.: [37-40]), что представляется весьма прагматичным ввиду возможности появления акторов, все менее и менее соответствующих привычному различению между экстремистами и официальными политиками, действующими «от имени» нормальных обывателей.

Сказанное не означает того, что необходимо отказаться от использования терминов «экстремизм» и «экстремист». Сказанное, наоборот, направляет на познание способов социального конструирования феноменов, стоящих за этими терминами. И поскольку они конструируются, постольку они могут быть сконструированы и по-другому. Здесь важно отличать юридическое определение экстремистской деятельности, которая представляется «облегченным» вариантом терроризма, от политологического и социологического понятия экстремизма. Последнее не может не предполагать практик сопротивления навязываемым официальным обществом номинациям как практикам освобождения от стигматизации.

Кейс Минкенберга свидетельствует как раз о возможности и способе преодоления таких «осуждающих» категоризаций. Наряду с ранее отмеченным внесением поправок в модель либеральной демократии, балансировавшей ранее между официально (то есть идеологически) «левым» и «правым», путем добавления балансировки между политической культурой и субкультурой данный кейс демонстрирует нечто большее, а именно: конкретную форму травестирования либеральной демократии за счет *трансгрессии* (право)экстремистских настроений в официальное политическое поле. При такой конфигурации взаимодействия экстремистского и радикального примечательно то, что (1) упомянутая балансировка происходит в результате движения в основном в одном направлении (в направлении легитимизации, от состояния париев к получению официального партийно-политического статуса) и (2) правоэкстремистские мнения, настроения, поведенческие паттерны превращаются в субкультуру, «аффилированную» с культурой и организацией определенной праворадикальной партии.

Кейс Соколова позволяет типизировать другой вариант взаимоотношений экстремизма и части официального партийно-государственного мира. Здесь имеет место *агрессия* со стороны более сильного политического соперника на территорию менее сильного, в деятельности которого еще не завершилось различие между уличным экстремизмом и политкорректным радикализмом, что и обеспечивало легальный повод для нападения. Результатом явился переход права собственности на официальный национализм к новому владельцу и перенос значительной части (право)экстремистского дискурса на специально созданные площадки в Интернете, то есть в данном случае имеет место экзотический с точки зрения кейса Минкенбега возврат от партийного бытования ультраправых в их субкультурное состояние.

Рассматриваемые в кейсе исследовательской группы НИ ТГУ отношения между политическим режимом и интернет-сообществами правых экстремистов характеризуются как подавление последних в результате законодательного пресечения возможностей их существования. В результате о непосредственном влиянии правых интернет-экстремистов на политическое поле можно говорить только в аспекте их участия в подогревании протестных настроений через очень отмодерированные сайты. Большой же интерес представляет выявленный отход (в духе ранее введенных обозначений – «*регрессия*») представителей правоэкстремистской интернет-диаспоры «вглубь» повседневной жизни на

просторах Интернета, что создает опасность для правящей коалиции остаться на крайнем правом фланге политического спектра, один на один с растущей радикализацией массового обывателя.

Данный кейс ставит много вопросов, связанных с проблемой пролиферации экстремистских установок не через взаимодействие в социальных сетях непосредственно с их носителями (что достаточно хорошо описано в литературе по «социальному инфицированию» [41] и эпидемическим моделям распространения мнений и настроений [42–44]), а через циркулирующие в социальных сетях совершенно разной тематической (прежде всего развлекательной и бытовой) направленности информационные артефакты, привлекающие внимание к культурному контексту правоэкстремистских установок. В литературе по терроризму такая модель переноса определенных идей в массовую культуру получила название «пчелиный рой» [45]. Эффективность «пчелиного роя» обусловлена тем, что в распространении соответствующего контента участвуют обычные люди [46].

Следующий набор вопросов связан соотношением (правого) онлайн-экстремизма с его проявлениями в реальной жизни. По этому поводу можно выдвигать совершенно противоположные гипотезы. Исследования западных ученых свидетельствуют, например, о том, что правоэкстремистские мнения, высказываемые людьми в соответствующих тематических онлайн-группах, совсем не обязательно служат характеристикой их поведения (и намерений) в офлайне. Причиной может быть эффект эхо-камеры [47-48], а также стремление компенсировать в виртуальном мире психологические травмы, полученные в мире реальном, что было выявлено при выборочном обследовании поведения участников известной во многих странах правоэкстремистской группы «Штормфронт» в Интернете и повседневной жизни [49]. Очевидно, что, так же как возможны партии-проекты без членов, могут встречаться и правоэкстремистские онлайн-группы без реальных экстремистов.

Заключение

Обзор литературы по «правому повороту» в политических системах Европы и России, проведенный анализ кейсов по взаимоотношениям правоэкстремистских субкультур и официальных политических структур (партий, партийного альянса, государственно-партийной популяции) позволили выявить социально-конструкционистский, дискурсивный характер понятий (правого) экстремизма, проявляющийся в стигматизирующем давлении доминирующих сил, стремящихся зафиксировать выгодные им категоризации оппонентов, и в нарастающем сопротивлении последних.

Показано, что переход экстремистов из париев политической системы в разряд ее легитимных акторов, выступая новым явлением в механизме обеспечения эквилибриума либеральной демократии, травестирует ее, то есть формирует в рамках привычной политической формы новое содержание, связанное с процессами включения в политическую жизнь новых (постиндустриальных) маргиналов и пересмотра статуса «старых», прежде не рассматривавшихся в качестве «политически значимых». Это делает актуальным исследование экстремизма вне стигматизирующего контекста употребления этого термина на основе анализа конфигураций трансляции установок, официально маркируемых как экстремистские, в официальные политические формы и наоборот. Концептуализация конфигураций (структур) такого перевода является важной для переописания и понимания политической реальности как совокупности процессов, развивающихся в сетях социальных взаимодействий. Безотносительно к цифровому или институционально-организационному характеру среды существования этих сетей механизм их функционирования является «плоским», предполагающим формирование характеристик акторов только как продуктов сетевых связей – их плотностей и конфигураций. Такой путь соответствует свойствам формирующегося общества как принципиально турбулентного [50] и сетевого [51]. Соответственно, возникает необходимость установления преемственности между традиционным иерархически-институциональным видением политической реальности и новым сетевым. Такой задаче отвечает проведенная в данном исследовании эмпирическая типизация конфигураций отношений между средой функционирования правоэкстремистских высказываний и средой «официальной политики».

Выявлены три кейса, представляющих специфические «конфигурации перевода правоэкстремистских установок в официальные политические формы и массовую культуру». Первый кейс характеризует процесс вхождения в политику представителей экстремистских субкультур на основе принятия ими культуры политкорректности и партийной организованности. Структура взаимодействия субкультурного экстремизма и официального правого популистского радикализма описывается как *трансгрессия* стигматизированных сообществ на основе их сопротивления маргинализации и право-

вому преследованию. Взаимоотношение по типу *агрессии* описывает лишение ультраправых права собственности на те элементы их дискурса, которые востребованы более влиятельными официальными силами для укрепления своей власти и консолидации общества. Произошедшее в настоящее время выдавливание правых экстремистов из их специализированных онлайн-укрытий характеризуется перетеканием соответствующего контента во внешне далекую от политики среду повседневных практик в Интернете. С точки зрения прежней структурированности данная конфигурация может быть обозначена как *регрессия* правоэкстремистского дискурса, то есть его рассеивание среди хаотического множества активностей и событий, происходящих в социальных сетях, что делает его совершенно бессубъектным, а потому и более влиятельным и опасным.

Ответы на возникающие в связи с последней конфигурацией вопросы взаимоотношений онлайн- и офлайн-экстремизма, мы надеемся, будут получены в результате проведения планируемых нами «цифровых» социологических исследований «опосредованной» передачи мнений и настроений, а также взаимосвязи характеристик «цифрового профиля» и идентичности человека в офлайне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mudde C. The Ideology of the Extreme Right. Manchester: Manchester University Press, 2000. 224 p.
2. McDonald M.D., Mendes S.M., Kim M. Cross-temporal and cross-national comparisons of party left-right positions // Electoral Studies. 2007. No. 26 (1). P. 62–75.
3. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper, 1957. 310 p.
4. Shepsle K. Institutional arrangements and equilibrium in multidimensional voting models // American Journal of Political Science. 1979. No. 23. P. 27–59.
5. Shepsle K.A., Weingast B.R. Institutionalizing majority rule: a social choice theory with policy implications // The American Economic Review. 1989. Vol. 72. P. 367–371.
6. Backes U. Meaning and forms of political extremism in past and present // Středoevropské politické studie. 2007. No. 9 (4). P. 242–262.
7. Mair P., Mudde C. The Party Family and its Study // Annual Review of Political Science. 1998. No. 1 (1). P. 211–229.
8. Минкенберг М. Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 2. С. 16–32.
9. Барковский П. (2018). Постидеологии современности: «гибридные идеологии», или «новые мифологии», как фактор конституирования постсовременного социального поля // Топос. 2018. № 2/ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/37940818> (дата обращения: 15.02.2021).
10. Weingartner B., Mudde C. On the root of populism in Europe : «The European Union is a victim of its own success» [Электронный ресурс]. URL: <http://dialogue-on-europe.eu/interview-cas-mudde-causes-populism-european-union/> (дата обращения: 15.02.2021).
11. Minkenberg M. The Radical Right in Postsocialist Central and Eastern Europe: Comparative Observations and Interpretations // East European Politics & Societies. 2002. No. 16 (2). P. 335–362.
12. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 404 p.
13. Лонгстафф Э. Новая книга Каса Мудде: Как ультраправые стали нормой и что о них нужно знать [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2019/09/20/novaya-kniga-kasa-mudde-kak-ultrapravye-stali-normoj-i-cto-o-nih-nuzhno-znat/> (дата обращения: 15.02.2021).
14. Minkenberg M. 2013. From Pariah to Policy-Maker? The Radical Right in Europe, West and East: Between Margin and Mainstream // Journal of Contemporary European Studies. 2013. No. 21 (1). P. 5–24.
15. Kitschelt H. The transformation of European social democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 345 p.
16. Умланд А. Сравнительный анализ новых крайне правых групп Запада в исследованиях М. Минкенберга // Уральский вестник международных исследований. 2005. Вып. 3. С. 183–189.
17. Хэннан М., Фримен Дж. Популяционная экология организаций // Экономическая социология. 2013. № 2. С. 42–72.
18. Димаджио П.Дж., Пауэлл. У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11, № 1. С. 35–56.
19. Katz R.S., Mair P. The cartel party thesis: A restatement // Perspectives on politics. 2009. P. 753–766.
20. Parties without partisans: Political change in advanced industrial democracies / Ed. by R.J. Dalton, M.P. Wattenberg. Oxford: Oxford university press, 2002. 314 p.
21. Katz R.S., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party Politics. 1995. No. 1. P. 5–28.
22. Blyth M., Katz R.S. From catch-all politics to cartelization // West European Politics. 2005. No. 28 (1). P. 33–60.

23. Bobbio N. *Left and right: The significance of a political distinction*. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 160 p.
24. Фуко М. *Археология знания*. СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 415 с.
25. Sokolov M. The End of Russian Radical Nationalism? // *Forum for Anthropology and Culture*. 2009. No. 5. P. 161–179.
26. Simonsen S.G. Aleksandr Barkashov and Russian National Unity: Black shirt friends of the nation // *Nationalities Papers*. 1996. No. 24 (4). P. 625–639.
27. Beichelt T. Two Variants of the Russian Radical Right: Imperial and Social Nationalism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2009. No. 42 (4). P. 505–526.
28. Urnov M. «Greatpowerness» as the key element of Russian self-consciousness under erosion // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47, no. 3–4. P. 305–322.
29. Clunan A.L. Historical aspirations and the domestic politics of Russia's pursuit of international status // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47, no. 3–4. P. 281–290.
30. Laclau E., Mouffe, C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso, 1985. 197 p.
31. Литой А. Секонд-хэд. Чем занимаются российские неонацисты из утративших популярность движений. 18 января 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://theins.ru/obshchestvo/88244> (дата обращения: 15.02.2021).
32. Petkova M. The death of the Russian far right. 16 December 2017 [online]. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/11/death-russian-171123102640298.html> (accessed: 15.02.2021).
33. Кашпур В.В., Барышев А.А., Мундриевская Ю.О., Щекотин Е.В. Российский праворадикальный экстремизм и социальные сети как пространство его публичного существования // *Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM*. 2017. № 3. С. 27–33.
34. Кузьмин Г. «Правый» Интернет в России: специфика развития и проблемы противодействия // *ПОЛИТЭКС*. 2008. Т. 4, № 3. С. 74–96.
35. Kashpur V.V., Miagkov M.G., Bary'shev A.A., Gojko V.L., Shchekotin E.V. Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups Under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia // *Reg*. 2019. Vol. 8, no. 1. P. 22–41.
36. Kashpur V.V., Myagkov M., Baryshev A.A., Gojko V.L., Shchekotin E.V. Where Russian Online Nationalists Go When Their Communities are Banned: A Case Study of Russian Nationalism // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2020. Vol. 26, no. 2. P. 145–166.
37. Shekhovtsov A. *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*. Abingdon: Routledge, 2017. 262 p.
38. Golder M. Far right parties in Europe // *Annual Review of Political Science*. 2016. No. 19. P. 477–497.
39. Cole A. Old right or new right? The ideological positioning of parties of the far right // *European Journal of Political Research*. 2005. No. 44 (2). P. 203–230.
40. Lucassen G., Lubbers, M. Who fears what? Explaining far-right-wing preference in Europe by distinguishing perceived cultural and economic ethnic threats // *Comparative Political Studies*. 2012. No. 45 (5). P. 547–574.
41. Christakis N.A., Fowler J.H. Social network visualization in epidemiology // *Norsk Epidemiologi*. 2009. № 19 (1). P. 5–16.
42. Amblard F., Deffuant G. The role of network topology on extremism propagation with the relative agreement opinion dynamics // *Physica A*. 2004. No. 343. P. 725–738.
43. Sobkowicz P. et al. Opinion mining in social media: Modeling, simulating, and forecasting political opinions in the web // *Government Information Quarterly*. 2012. № 29 (4). P. 470–479.
44. Kurmyshev E., Juarez H.A., Gonzalez-Silva R.A. Dynamics of bounded confidence opinion in heterogeneous social networks: Concord against partial antagonism // *Physica A*. 2011, № 390. P. 2945–2955).
45. Fisher A. Swarmcast: How Jihadist networks maintain a persistent online presence // *Perspectives on Terrorism*. 2015. No. 9 (3). P. 3–20.
46. Hafez M., Mullins M. The Radicalization Puzzle: A Theoretical Synthesis of Empirical Approaches to Homegrown Extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2015. No. 38 (11). P. 958–975.
47. Jamieson K.H., Cappella J.N. *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. New York: Oxford University Press, 2010. 320 p.
48. Garrett R.K. Echo Chambers Online? Politically Motivated Selective Exposure among Internet News Users // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. Vol. 14, no. 2. P. 265–285.
49. Koster W., Houtman D. Stormfront is like a second home to me // *Information, Communication & Society*. 2008. 11 (8). P. 1155–1176.
50. Чудинов С.И., Щекотин Е.В. Турбулентный социум и концепция безопасности: социально-философские аспекты: монография. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2018. 159 с.
51. Baryshev A.A. Towards Network Economics: The Problem of the Network Modus of Value // *Springer proceedings in complexity*. London: Springer Science and Business Media, 2017. P. 103–113.

Барышев Алексей Андреевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии, научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных

E-mail: barishevnp@mail.ru

Кашпур Виталий Викторович, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии

E-mail: vitkashpur@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Россия, г. Томск, просп. Ленина, 36

A.A. Baryshev, V.V. Kashpur

RIGHT-WING EXTREMISM AND OFFICIAL POLITICS: THE CONFIGURATIONS OF RELATIONSHIP UNDER THE CONDITIONS OF POST-IDEOLOGY AND THE INTERNET

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-2-131-144

The article examines population, discursive and network approaches in political sociology to build more realistic models for describing the political field, which includes a complex of new relations between extremists and legitimate political actors in the context of the observed right turn in the functioning of political systems in many countries.

The case study method was used to study the relationship between right-wing extremist communities and legal participants in the political field under the aforementioned conditions. To formulate the cases, we selected real situations associated with heterogeneous drivers of the right turn: a) right-wing populist parties, b) a bloc of right-centrist parties, c) the ruling conservative state-party alliance.

Based on the materials of the generated cases, the social-constructionist, discursive nature of the concepts of (right-wing) extremism is shown, manifested in the desire of the dominant political forces to fix the categorizations of opponents that are beneficial to them and in the practices of resistance to imposed nominations as practices of liberation from stigmatization. The role of mutual transitions of political cultures and subcultures in the mechanism of functioning of liberal democracy is described. The typification of the configurations of the transmission of right-wing extremist opinions and sentiments into official political forms and into mass culture is carried out.

According to sociological studies of the activity of Russian right-wing extremist online groups and their members, it has been established that under the conditions of the soft regime of state countering extremist propaganda, these opinions and sentiments are localized in online groups, and in the case of harsh prohibitive measures, they "creep" across politically neutral sites and groups. In practical terms, this creates a danger for the ruling alliance to remain on the extreme right flank of the political spectrum face to face with the growing radicalization of the mass of the population, and in aspect of the theory, it creates a problem of developing a model of political equilibrium in the era of post-ideology and the Internet.

Keywords: democracy, discourse, post-ideology, real politics, extremism, right turn, online communities.

For citation:

Baryshev A.A., Kashpur V.V. Right-wing extremism and official politics: the configurations of relationship under the conditions of post-ideology and the internet // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2021. Vol. 5, iss. 2. P. 131-144. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-131-144>. (In Russ.)

Received 15.02.2021

Baryshev A.A., Candidate of Economics, Associate Professor at Department of Sociology,
Researcher of the Centre for Applied Big Data Analysis

E-mail: barishevnp@mail.ru

Kashpur V.V., Candidate of Sociology, Head of the Department of Sociology

E-mail: vitkashpur@mail.ru

Tomsk State University

Lenina prospect, 36, Tomsk, Russia, 634050